

Серия
«Антология мысли»

Я. Буркхардт

КУЛЬТУРА ИТАЛИИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Переводчик — **С. Бриллиант**

**Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 93/94
ББК 63.3(4)
Б91

Автор:

Буркхардт Якоб (1818—1897) — швейцарский историк культуры, один из основателей культурологии.

Буркхардт, Я.

Б91 Культура Италии в эпоху Возрождения / Я. Буркхардт ; пер. С. Бриллиант. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 285 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-10959-7

Классический труд Якоба Буркхардта «Культура Италии в эпоху Возрождения», принесший автору мировую известность, стоит у истоков культурологии как дисциплины.

Книга богата фактологическим материалом, в ней рассматриваются политическое устройство Италии, религиозная организация общества, особенности менталитета и культурные обычаи итальянцев XIII—XV вв.

Для широкого круга читателей.

УДК 93/94
ББК 63.3(4)

Оглавление

Часть I	7
Глава I. Введение	7
Глава II. Тирания XIV века.....	10
Глава III. Тирания XV века.....	16
Глава IV. Малые тирании XV века	24
Глава V. Главнейшие династии в XV веке	29
Глава VI. Противники тирании.....	42
Глава VII. Две республики: Венеция и Флоренция	46
Глава VIII. Внешняя политика итальянских государств.....	63
Глава IX. Война как предмет искусства	68
Глава X. Папство и угрожающая ему опасность.....	71
Заключение	85
Часть II.	
Развитие индивидуальности	87
Глава I. Личность в итальянском государстве	87
Глава II. Завершение развития личности	90
Глава III. Известность и слава в эпоху Возрождения.....	93
Глава IV. Юмор и сатира в эпоху Возрождения	100
Часть III.	
Возрождение древности.....	110
Глава I. Предварительные замечания.....	110
Глава II. Развалины Древнего Рима	113
Глава III. Древние писатели	119
Глава IV. Гуманизм в XIV веке	126
Глава V. Университеты и школы	130
Глава VI. Покровители гуманизма	135
Глава VII. Реставрация древности: эпистолография и латинская речь	143
Глава VIII. Латинский трактат и историческое сочинение	150
Глава IX. Латинский характер общего образования	154
Глава X. Новолатинская поэзия	157
Глава XI. Падение гуманистов в XVI веке	164
Часть IV	171
Глава I. Путешествия итальянцев	171
Глава II. Естествознание в Италии.....	173
Глава III. Открытие ландшафтной красоты	177

Глава IV. Открытие человека; внутренний мир человека в поэзии	181
Глава V. Биографии и автобиографии	191
Глава VI. Характеристика народов и городов	195
Глава VII. Изображение внешности человека	196
Глава VIII. Жанровое изображение в литературе	198
Часть V	202
Глава I Уравнение сословий	202
Глава II. Внешняя красота и комфорт	206
Глава III. Язык как фундамент общественности	209
Глава IV. Высшая форма общественности	211
Глава V. Идеальный общественный человек	213
Глава VI. Положение женщины	216
Глава VII. Домашний быт	219
Глава VIII. Празднества	221
Часть VI	232
Глава I. Нравственность	232
Глава II. Религия в ежедневной жизни	244
Глава III. Религия и дух эпохи Возрождения	258
Глава IV. Древнее и новое суеверие	264
Глава V. Упадок религии вообще	279
Новые издания по дисциплине «История культуры» и смежным дисциплинам	283

Часть I

Глава I. Введение

Политическое состояние Италии в XIII веке. В результате предшествовавшей борьбы между папами и Гогенштауфенами политическое состояние Италии в эпоху Возрождения имеет свои отличительные особенности по сравнению с политическим строем других государств на Западе. Во Франции, Испании и Англии феодальный строй сложился так, что с течением времени должен был естественным образом вести к образованию единой монархии; в Германии феодализм, внешне по крайней мере, поддерживал государственное единство, и только в одной Италии ленная система не нашла почвы и не пустила прочных корней. В XIV веке, правда, императоры и короли при благоприятных обстоятельствах встречали в Италии торжественный прием, но только в качестве покровителей и защитников итальянских деспотов, а не в качестве феодальных господ. С другой стороны, папство с его креатурами, приверженцами и духовным авторитетом было в достаточной мере сильно, чтобы мешать объединению, но в то же время слишком слабо, чтобы самому создать такого рода объединение. Таким образом, между императорами и папой мы видим целый ряд самостоятельных политических единиц: возникших еще ранее либо вновь образующихся. В ряду таких политических образований находятся и города, сохранившие свободное управление, и целые области, подпавшие под власть тиранов¹. В этих независимых от внешних влияний государствах впервые начинают развиваться беспрепятственно те внутренние начала, на которых зиждется весь новый строй европейских государств. Мы стоим здесь лицом к лицу с ужасающими проявлениями безграничного эгоизма, презирающего всякое право и убивающего в зародыше всякое свободное начинание, но там, где этот эгоизм теряет мрачную окраску и уступает почему-либо место другим побуждениям, возникает новая историческая жизнь и государство приобретает характер творчески построенного здания, другими словами, оно становится «произведением искусства».

Новая жизнь проявляется в самых разнообразных формах, как в республиканских городах, так равно и в тиранических государствах, причем новыми началами обуславливается не только внутренний строй, но и внешняя политика городов и тиранов.

¹ Властители вместе с приверженцами называются *lo stato*, и это название присваивается также местности и ее населению. — *Прим. авт.*

В настоящем исследовании мы ограничимся изучением нового строя в тиранических государствах Италии, так как они представляют собой наиболее законченный и ясно выраженный тип нового образования: государства как произведения искусства.

Норманнское государство Фридриха II. Внутреннее состояние итальянских тираний в XIV веке уподоблялось знаменитому в своем роде норманнскому государству, основанному Фридрихом II в Сицилии и Нижней Италии. Выросший среди измены и опасностей, в близком соседстве с сарацинами, он отличался хладнокровием и обдуманностью поступков, однако был неразборчив в средствах, и мы в его лице впервые видим на троне человека Нового времени.

К тому же он знал во всех подробностях внутренний быт сарацин и крайний произвол, царивший в Нижней Италии, а также все те изощренные средства, к которым прибегали сарацинские государи, с одной стороны, и папы — с другой, в упорной борьбе за существование. Все действия и распоряжения Фридриха II, особенно с 1231 года, направлены на упрочение сильной королевской власти, полное уничтожение ленной системы и превращение народа в безоружную массу, платящую подати в наивысшем размере и лишенную собственной воли. Он сосредоточил в своих руках всю судебную власть и все отрасли управления невиданным до сих на Западе образом. Не лишая ленных владельцев права суда, он подчинил, однако, все ленные суды общеимперским. Наряду с этим он уничтожил всякое выборное начало при замещении какой-либо должности под угрозой опустошения провинившейся местности и обращения граждан в крепостных.

Он ввел акцизную систему и взимал подати на основании точнейшей оценки земельных угодий, применяя при этом самые жестокие меры, истязания, как это принято на Востоке, где, правда, трудно заставить людей добровольно что-нибудь выпустить из рук. Мы видим здесь, в конце концов, уже не народ, а сборище подданных, находящихся под строгим контролем; так, например, никто не имеет права жениться за границей без особого на то разрешения; ни в каком случае не допускается также учиться вне пределов королевства, в особенности в гвельфской Болонье. Король щедро поддерживал университет в Неаполе, но в то же время здесь впервые применяются к аудитории стеснительные меры, тогда как на Востоке по крайней мере чистая наука не подвергалась ограничениям. С другой стороны, Фридрих II оставался верен восточным образцам в том, что сам вел торговлю на всем пространстве Средиземного моря, удерживая за собой исключительное право торговли солью, металлами и многими другими предметами, и мешал таким образом коммерческим оборотам своих подданных.

Калифы-фатимиды¹, с их тайным неверием, отличались — по крайней мере в начале — терпимостью к религиозным убеждениям под-

¹ Династия, основанная приверженцами потомков Фатимы, дочери Магомета. — *Прим. перев.*

данных. Фридрих II, напротив, увенчал свою систему преследованием еретиков, причем к вящему стыду его надо заметить, что еретиками его глазах являлись главным образом граждане, отстаивавшие свободу в общественной жизни и городском управлении.

Он создал свою внутреннюю полицию, а также главное ядро своей воинствующей армии из сарацин. Эти люди, переселившиеся из Сицилии в Ноцеру и Люцеро, были вполне пригодны для его целей, так как церковные отлучения не могли их утратить, а к бедствиям народа и к чужому горю вообще они по натуре своей оставались глухи. Народ, разучившийся владеть оружием, впоследствии не мог помочь Манфреду при его падении и почти без сопротивления признал владычество над собой Карла Анжуйского, причем последний вместе с короной Гогенштауфенов наследовал также весь правительственный механизм Фридриха II и сумел этим воспользоваться.

Эццелино. Наместник и зять самовластного и деспотического короля, Эццелино-да-Романо, в качестве узурпатора и тирана занимает исключительное место рядом с тестем в истории своего времени. Хотя с его именем и не вяжется представление о какой бы то ни было системе управления, так как вся его деятельность уходила на борьбу за власть в Верхней Италии, тем не менее он, подобно своему царственному защитнику, долгое время служил политическим образцом для потомства. Все завоевания и насильственные захваты власти в Средние века совершались обычно на основании если не бесспорных, то, по крайней мере, сомнительных наследственных и других прав или же являлись результатом победы над неверующими и отлученными от церкви. Эццелино первый показал пример того, как можно приобрести трон путем массовых убийств поражающей жестокости, не останавливаясь ни перед чем в выборе средств для достижения цели. Ни один из последующих тиранов не мог сравниться с ним в грандиозности преступлений, даже Чезаре Борджиа. За ним остается еще и то преимущество, что он подал пример другим, и его падение не было уже ни обеспечением справедливости для народов Италии, ни спасительным предостережением будущим честолюбцам и хищникам.

В такое время нельзя было, разумеется, ожидать добровольного ограничения власти, и Фома Аквинский, родившийся подданным Фридриха II, напрасно предлагал теорию конституции с верхней палатой и народными представителями как опору королевской власти. Напрасно также этот проповедник, твердо веривший в преимущества королевской власти и связанного с ней государственного устройства перед республиканским порядком вещей, в то же время признавал за народом право совершать революции и оправдывал даже покушение на жизнь тиранов, в случае необходимости. Напрасно, говорим мы, потому что все такого рода учения и проповеди не вели ни к чему и не выходили за пределы аудиторий.

Влияние Фридриха II и Эццелино. Фридрих II и Эццелино были и остались для Италии наиболее выдающимися явлениями XIII века,

как это ярко отразилось в «Ста новеллах прошлого времени», рисующих образы трех героев почти в сказочном виде, хотя начало происхождения и редакции этих повестей относится если не к тому же столетию, в котором они жили, то к началу следующего. Здесь Фридрих II с отличающей его страстью распоряжается достоянием подданных по своему усмотрению и своей личностью внушает почтение даже преступникам. В изображении Эццелино все проникнуто тем трепетным чувством, каким сопровождается обыкновенно представление о подавляющем величии.

С личностью его связана целая литература, начиная от хроники современников и кончая полумифическими трагедиями.

Тираны XIV века. Вслед за падением этих двух государей тотчас же начинают появляться то здесь, то там единичные деспотические правители, большей частью вожди гибеллинов, причем непосредственным поводом к насилиям и захватам служили партийные раздоры между гвельфами и гибеллинами. Но разнообразие условий и обстоятельств, при которых возникали тирании, явно свидетельствует о неизбежности этого явления. В выборе средств для упрочения своей власти у тиранов не было затруднений. Им оставалось только продолжать изгонять или казнить противников и разрушать их дома.

Глава II. Тирания XIV века

Тираны XIV века. Большинство государств и областей в Италии XIV века могут служить доказательством того, что новые правители сумели воспользоваться приведенными примерами.

История передала нам во всех подробностях вопиющие злодеяния, творившиеся в этих землях, но в то же время мы видим, как государства самостоятельно создавали свой внутренний строй, и в этом отношении они представляют значительный интерес.

Финансы. Прежде всего умение пользоваться с расчетом всеми средствами — особенность итальянских государей, неизвестная вовсе в то время на Западе. Эта особенность в соединении с почти абсолютным могуществом власти в пределах государства вела к созданию совершенно особенного рода человеческих характеров и условий жизни. Главный секрет прочности власти, усвоенный умнейшими из тиранов, заключался в том, что они не увеличивали произвольно податей, но по возможности сохраняли их в том размере, в каком застали при своем водворении на троне или как сами впервые установили. Кроме земельной подати, основанной на кадастре, взимался еще налог с предметов общего потребления и пошлины с ввозимых и вывозимых товаров. К этому присоединялись доходы с частных владений государя. Единственным источником увеличения податей должно было служить возрастание народного благосостояния и торговых оборотов. Государя не прибегали к займам, как это делали свободные города, а исполь-

зовали иногда другое средство, увольняя, например, на султанский манер, главного из финансовых администраторов и конфискуя его имущество. Впрочем, такого рода произвол был хорошо продуманным расчетом и допускался только в том случае, если не влек за собой политических осложнений.

Перечисленные статьи дохода должны были удовлетворять текущие потребности.

Двор. Деньги шли на содержание двора, телохранителей, постоянной армии, на общественные постройки, а также на жалование шутам и ученым, составлявшим ближайшее окружение государя. Власть, приобретенная незаконным путем и сопряженная с постоянными опасностями, влечет за собой одиночество, лучшим выходом из которого является покровительство высоким дарованиям без различия их происхождения. Щедрость северных государей распространялась главным образом на рыцарей и служилых дворян или застольных друзей. Совсем другое дело в Италии, где тиран жаждал оставить после себя непременно громкое имя и грандиозный памятник, а потому нуждался в услугах выдающихся людей. К тому же покровительство поэтам и ученым давало ему право чувствовать себя более или менее узаконенным в своем новом положении.

Исторической известностью в этом отношении пользуется веронский деспот Кан Гранде делла Скала, собравший при своем дворе выдающихся изгнанников всей Италии, хотя, правда, величайшему из них, Данте, он оказывал меньше внимания, нежели различным забавником и шутам.

Идеал правителя. Но как бы то ни было, поэты и ученые не оставались неблагодарными. Петрарка, которого многие строго порицали за пребывание при дворе того или другого деспота, оставил нам изображение идеального государя XIV века в письме к властелину Падуи. Тон, каким он высказывает предъявляемые к государю требования, свидетельствует, по-видимому, о том, что тот, кому он пишет, более или менее отвечает этим требованиям. «Ты должен быть не господином своих подданных, — пишет Петрарка, — но отцом и любить их, как собственных детей, как самого себя, а не вселять в них страх, так как страх порождает ненависть. Пользуйся вооруженными людьми, драбантами и наемниками против врагов, но не против собственных подданных. Не телохранители должны служить тебе защитой, а только одно благоволение к гражданам. Я говорю, конечно, о благомыслящих гражданах, готовых служить государю верой и правдой, ибо стремящийся постоянно к переворотам заслуживает названия бунтовщика и врага отечества». Далее идет подробное перечисление обязанностей правителя, соответственно духу того времени: государь должен управлять самостоятельно, не поддаваясь влиянию придворных и сохраняя простоту и скромность. Он должен сам во все входить, обо всем заботиться: строить церкви и общественные здания, поддерживать прежние, содержать хорошую полицию для наблюдения за порядком в городе, запрещать

пробывание на улицах свиней (даже и это), так как вид их неприятен, вызывает омерзение чужестранцев, и, наконец, ввиду опасности для лошадей. Далее он должен осушать болота и заботиться о процветании полей и виноградников, должен следить за строгим исполнением правосудия и распределять подати так, чтобы народ сознавал их необходимость и убеждался в том, что государь неохотно прибегает к чужим кошелькам. Наконец, он должен помогать больным и беспомощным людям, а также оказывать гостеприимство и покровительство ученым, будучи уверенным, что эти последние, в свою очередь, воздадут ему должное и возвеличат его имя в потомстве.

Опасность тирании. Но каковы бы ни были светлые стороны такого рода управления вообще и заслуги того или другого властителя в частности, тем не менее уже современники могли предвидеть или угадывать непродолжительность и непрочность большинства этих тираний. Политическая организация такого рода естественным образом тем прочнее, чем обширнее территория, и потому более могущественные тирании стремились при удобном случае поглотить слабейшие. Одним Висконти, миланским тираном, было принесено в жертву в этом периоде значительное число маленьких самостоятельных областей. Этой угрожающей извне опасности неизменно должно было отвечать постоянное брожение внутри, и в большинстве случаев такое положение вещей не могло не сказаться отрицательно на характере государя. Призрачное могущество, стремление к наслаждениям и ненасытный во всех отношениях эгоизм, с одной стороны, враги и заговорщики — с другой, — все это вместе неизбежно должно было усиливать жестокость и превращать государя в деспота в худшем смысле этого слова.

Необеспеченность наследственных прав. Если бы при этом можно было доверяться, по крайней мере, ближайшим родственникам по крови! Но там, где царили произвол и беззаконие, не могло быть также и наследственных прав в настоящем смысле слова, в отношении преемства власти и раздела имений. К тому же нередко случалось, что в минуту опасности и смут какой-нибудь дядя или родственник отстранял несовершеннолетнего или неспособного сына и наследника в интересах всей семьи. Вечным предметом споров служил также вопрос о признании или устранении побочных детей. В большинстве случаев эти последние таили в себе до поры до времени недовольство и жажду мести, а при удобном случае проявляли свои настоящие чувства, открыто переходя на сторону врагов и беспощадно убивая соперников. Иные обиженные и вынужденные к бегству терпеливо выжидали где-нибудь случая взять свое и отомстить. Маттео Висконти, находясь в изгнании, занимался рыболовством на Гардском озере; когда посланный его противника, миланского государя, Гвидо делла Торре, спросил его, когда и каким путем он думает вернуться в Милан, Маттео ответил: «Тем же путем, каким ушел оттуда, но не прежде, чем позорные преступления моего врага возьмут перевес над моими». Иногда бывает и так, что ради спасения семьи родные предают государя в жертву чрезмерно

оскорбленному народу. В некоторых тираниях прочность власти находится в зависимости от общего согласия всех членов семьи, и государь не делает ничего без совета и помощи других, но дележ власти и спор о преимуществе вызывает при случае жестокую распрю.

Ненависть флорентийцев к тирании. Все творения флорентийцев того времени проникнуты глубокой ненавистью к подобному порядку вещей.

Пышность. Прежде всего предметом сатиры служат роскошь костюмов и пышные процессии, которыми итальянские деспоты, по всей вероятности, не столько удовлетворяли свое тщеславие, сколько рассчитывали поразить народное воображение. Уже Петрарка говорит, что тираны украшают себя, как «алтари в праздничные дни». Царственные выскочки дают особенно богатый материал для сарказма, как, например, вновь испеченный в 1364 году владетель Пизы Анджелло. Он появлялся на улицах города верхом, с золотым скипетром в руках или показывался народу у окна, лежа на парчовых коврах и подушках («как принято выставлять мощи» — говорят по этому поводу флорентийцы). Прислуживать ему должны были все не иначе, как опустившись на колени, и говорить с ним так, как принято говорить с папой или императором.

Но флорентийцы не ограничивались одними насмешками, когда писали о насильниках. Нередко встречается и более серьезное негодование. Данте в ярких красках изображает всю пошлость и изменность стремлений тиранов и узурпаторов к грабежу и хищнической власти. «Их трубы и литавры, рога и флейты издают один лишь призыв: «Сюда вы, палачи! Сюда вы, наши хищные коршуны!» Живописцы XIV века, такие как Амброджо Лоренцетти, изображают тиранию в виде невероятного чудовища, отмеченного геральдическими знаками и царящего над укрепленным замком; это чудовище, окруженное пороками, попирает ногами справедливость, а далее видны опустошенные города и села. Позднее встречаем на картинах изображение жилищ тиранов в виде высоких изолированных замков с темными подвалами и слуховыми окнами, и мрачный вид этих зданий красноречиво говорит о том, что они служат местопребыванием злобы и нищеты.

Нередко также писатели предсказывают ряд бедствий, ожидающих того, кто решается служить тиранам, и в конце концов сожалеют о самом деспоте, так как он неизбежно должен видеть врага в каждом честном и полезном человеке, ни на кого ни в чем не может полагаться и на лицах своих подданных всегда должен читать ожидание собственного падения. «По мере того, как тирании возникают, растут и укрепляются, — говорит один из бытописателей того времени, — в самом сердце их растет также и начало будущего разложения и падения».

Но в сочинениях того времени недостаточно выяснено одно важное обстоятельство. В то время, как Флоренция создавала яркую индивидуальность на всех поприщах деятельности, итальянские деспоты, напротив, не допускали ни малейшей индивидуальности ни в ком и ни в чем,

исключая себя и своих приближенных. Контроль над личностью во всех отношениях, вплоть до паспортной системы, царил в полной мере со времен Фридриха II, который и в этом отношении служил образцом всем последующим, даже самым незначительным деспотам.

Все, что было мрачного и отверженного в образе тирана вообще, в глазах современников получало еще особую окраску из-за общеизвестного безбожия того или другого деспота или его занятий астрологией. Когда венецианцы осадили Падую в 1405 году и последний Каррара не мог найти в опустошенном чумой городе достаточного количества людей для защиты стен и ворот, его телохранители слышали, как он призывал ночью черта, приказывая ему взять свою душу.

* * *

Возвышение и падение дома Висконти. Наиболее яркую и поучительную картину образования тирании в XIV веке мы находим, без сомнения, в лице Висконти в Милане, со смертью архиепископа Джованнини в 1354 году. Бернабо Висконти тотчас же обнаружил черты, сближающие его с ужаснейшими из римских императоров. Он объявил себя папой в своих владениях, конфисковал земли духовных лиц и заключил священников в темницу. Важнейшим государственным делом была его собственная охота на кабанов. Всякий мешавший ему в этом каким-нибудь образом подвергался мучительной казни. Трепещущий народ должен был выкармливать для него 5000 охотничьих собак под страхом тяжелой ответственности за их благосостояние. Подати взывались при помощи самых беспощадных принудительных мере. Таким образом, он выдал замуж семь дочерей, подарив каждой в приданное 100 000 гульденов золотом, а для себя скопил богатейшую казну. Когда умерла его жена в 1384 году, все подданные должны были в течение года носить траур, другими словами, «делить с ним горе, как делили радость» — так гласил его приказ.

Джан Галеаццо. Не менее самого Бернабо заслуживает внимания его племянник Джан Галеаццо, низвергший дядю и завладевший тронном в 1385 году. Это был один из тех удачно задуманных и приведенных в исполнение заговоров, при описании которых, даже много времени спустя, сердце невольно бьется сильнее. Презираемый родственниками за склонность к наукам и религиозность, Джан Галеаццо задумал отомстить. Он оставил город под предлогом паломничества и затем неожиданно совершил нападение, взял в плен своего дядю и посадил его в тюрьму. Затем с помощью приверженцев и слуг опустошил город, узурпировал власть и позволил народу разграбить дворец Бернабо.

У Джан Галеаццо страсть средневекового тирана к огромным сооружениям проявляется в самой высокой мере.

Он потратил 300 000 гульденов золотом на устройство плотин, чтобы иметь возможность отводить Минчио от Мантуи и Brentу от Падуи и таким образом господствовать над этими городами. Весьма возможно-также, что он задумывал осушить венецианские лагуны.

Он основал монастырь Чертозу в Павии — «прекраснейший из всех монастырей» и Миланский собор — «превосходящий все другие христианские церкви размерами и великолепием». Дворец в Павии, начатый еще его отцом, Галеаццо, и законченный им, не без основания, по-видимому, считался превосходнейшей из всех резиденции Европы того времени. В этом дворце находились его книгохранилище и редкое собрание святых мощей, поклонение которым являлось у него особым культом.

Было бы даже странно, если бы человек с таким характером не стремился и в политике к новым приобретениям. Король Венцеслав дал ему герцогский титул, по всей вероятности не дешево оплаченный, но его честолюбие успокаивалось лишь на итальянской королевской короне, если не на императорском венце. Этим замыслом, однако, не суждено было осуществиться, так как в 1402 году он заболел и умер. Однажды его владения сверх обычной подати в 1 200 000 гульденов золотом дали ему еще 800 000 на сверхсметные расходы. При жизни он удерживал в своих руках различные области, не останавливаясь для этого перед самыми крайними насилиями, но как только он умер, государство распалось и раздробилось до такой степени, что сразу трудно было бы даже определить его прежние составные части. Мы не знаем, какими были бы его сыновья Джованни Мариа (1412) и Филиппо Мариа (1447), если бы они жили в другой стране и росли в другой семье, но, как дети своего отца, они наследовали весь накопившийся капитал жестокости и трусости, переходивших в этой семье от одного поколения к другому.

Джованни Мариа также знаменит своими собаками, но не охотничьими, а теми, назначение которых было разрывать людей на части. История сохранила имена этих собак так же, как медведей императора Валентиниана I.

Когда в мае 1409 года, во время военных действий, голодный народ встретил его на улице криками: «Расе! Расе!» — он выпустил на улицу своих наемников, усеявших город двумястами трупами. Вслед затем, под угрозой виселицы, запрещено было произносить слова «война» и «мир», и даже священники должны были слово «мир» в молитвах заменить «спокойствием». Несколько заговорщиков воспользовались наконец моментом, когда главный кондотьер сумасшедшего герцога, Фаччино Кане, лежал в Павии смертельно больной, и убили Джованни в церкви С.-Готтарда в Милане; умирающий Фаччино в тот же день, однако, заставил своих офицеров принести клятву в том, что они помогут законному наследнику Филиппо Мариа, и сам предложил последнему жениться на его вдове, что тот и сделал после его смерти. Она известна под именем Беатриче ди Тенда. О самом Филиппе речь еще будет впереди.

И в такие-то времена Кола ди Риенцо рассчитывал создать в Италии новое государство, доверяясь капризному энтузиазму выродившихся римлян. Мечтатель, запятнавший свои благородные стремления

жестокостями, недостойными высокой души, не мог создать противоречив самовластным деспотам, стремившимся с непоколебимой энергией лишь к практически осуществимому и не останавливавшимся в выборе средств для достижения цели. Народный трибун ничего не достиг и самым печальным образом сошел со сцены, на которой выступил вначале с таким триумфом.

Глава III. Тирания XV века

Тираны XV века. В XV веке в характере тираний происходят некоторые видоизменения. Многие из мелких тиранов, а также и некоторые более могущественные, в роде Скала и Каррара, сходят со сцены. В общем более сильные организации округлились, и внутренний их строй определился рельефнее. Неаполь начинает усиливаться благодаря новой Арагонской династии. Далее характер века сказывается в усиленном стремлении каждого из кондотьеров стать независимым, а затем при первом удобном случае узурпировать власть, причем корона рассматривается как высшая премия не только за выдающиеся качества, но и за преступление или бесчестность. Мелкие тираны, чтобы обеспечить себе на всякий случай помощь, охотно становятся кондотьерами более сильных государей; таким образом они поправляют свои денежные дела, увеличивают подчас собственные владения, а также обеспечивают себе безнаказанность за совершаемые злодеяния и преступления. В общем и крупные и мелкие правители вынуждены стать благоразумнее, более взвешивать свои поступки и воздерживаться от слишком заметных, по крайней мере, массовых злодеяний. Они могут позволить себе без всяких опасений все дурное в той мере, в какой это необходимо для их целей — никто от них не отвернется. В других западных странах законные государи окружены обаянием, напоминающим религиозный культ. В Италии нет и следа такого поклонения; самое большее, на что может рассчитывать властитель, — это популярность в самой резиденции; единственная опора и залог прочности власти — это личные качества и политический расчет.

Контрасты. Для итальянцев того времени остается загадкой характер такого человека, как, например, Карл Смелый, стремящегося с неукротимой страстью к самым непрактическим целям. Миланские послы судят так: «Швейцарцы не более как простые крестьяне, и, если даже их всех перебить, их гибель не вознаградит за смерть знатных бургундцев, которые могут пасть в бою. И если бы даже герцог овладел Швейцарией без сопротивления, его доходы возрастут не более как на пять тысяч дукатов в год». Средневековой элемент в характере Карла, его идеалы и рыцарские увлечения давно утратили в Италии прежнюю цену. Но когда он еще к тому же раздает пощечины офицерам и все-таки удерживает их на службе, или дурно обращается с войском, чтобы наказать его за поражение, и в то же время распекает своих ближайших

советников на глазах у солдат — тогда южные дипломаты считают его совсем погибшим. С другой стороны, Людовик XI — горячий поклонник Франческо Сфорца — хотя и превосходит итальянских тиранов в том, что перенял у них же, но не может сравняться с ними в тонкой образованности и развитии.

Дурное и хорошее переплетаются самым удивительным образом в итальянских государях XV века. В каждом отдельном случае мы встречаем проявление характера высокоразвитого, часто выдающегося, вполне отвечающего своему положению и задачам, одаренного талантом и энергией, но в то же время с таким смешением понятий о божеском и человеческом, о дозволенном и недозволенном, что какое-либо решительное нравственное суждение о личности такого тирана становится невозможным.

Незаконная власть. Власть остается по существу и в основе незаконной, и над ней вечно тяготеет ничем не устранимое проклятие. Императорские одобрения и пожалования ничего не изменяют в этом отношении, так как народ не придает никакого значения куску пергамента, приобретенному правителем «по случаю» в далекой стране или во время посещения Италии иноземным государем. Один из историков XVI века говорит между прочим, передавая мнение предшественников: «Никакие грамоты, жалованные издавна немецким королем, пользующимся из одного тщеславия титулом римского императора, не в состоянии сделать злодея или нечестивца истинным государем». Народ, со своей стороны, рассуждая по простоте, думал, что будь императоры к чему-нибудь годны, они не допустили бы тиранов захватить в свои руки власть. В действительности императоры со времен Карла IV только санкционировали установившийся в Италии помимо них порядок вещей, решительно ничем, кроме писанных грамот, его не гарантируя. Все пребывание Карла в Италии во время двукратного посещения ее в 1354 и 1368 годах представляет собой не что иное, как одну из позорнейших политических комедий. Мы можем прочесть у Маттео Виллани о том, как Висконти путешествуют с ним по своим владениям, куда им вздумается, забавляя его, чем хотят, и в конце концов выпроваживают вовсе; как он спешит, точно торговец на базаре, возможно скорее получить деньги за свой товар — раздаваемые им «привилегии»; какую жалкую роль он играет в Риме, и как, наконец, он, не вынув ни разу меча из ножен; переправляется назад через Альпы с полным мешком денег.

Вмешательство императоров. Карл V. Итальянские патриоты, мечтатели и поэты никак не могут забыть минувшее величие и продолжают многого ожидать от посещения Италии императором, но с появлением его эти надежды рассеиваются как дым. Петрарка в своих посланиях неоднократно увещевал императора перейти Альпы и восстановить величие Рима, создав новую всемирную империю. Он верил в осуществление этих мечтаний, когда император в самом деле явился в Италию, но последний вовсе не думал о таких громких подвигах. В письменах

и лично поэт старается убедить императора, пользуясь его присутствием на месте, но в конце концов вынужден отвернуться, когда в его глазах Карл унижает свое достоинство признанием верховенства папы. В то же время Петрарка и еще другой поэт старались подвигнуть его на крестовый поход против турок, но вскоре убедились в тщетности своих попыток.

Сигизмунд в Италии. Сигизмунд, по крайней мере, явился с добрыми намерениями, когда в первый раз посетил Италию в 1414 году с тем, чтобы склонить Иоанна XXIII принять участие в его соборе; он не знал, какой опасности избежал в Ломбардии: в то время, как он вместе с папой любовался прекрасной панорамой с высокой башни в Кремоне, принимавший их здесь у себя тиран Габрино Фондоло питал в душе тайное намерение сбросить обоих вниз.

Второй раз Сигизмунд появился в Италии уже в качестве настоящего искателя приключений. В это посещение он, как император, увенчал поэта Беккаделли, обходился с поэтами и учеными как с равными и принимал подарки деньгами и ценными предметами, причем деньги делил между приближенными, а вещи оставлял себе; далее он просидел больше полугола взаперти в Сиене, как в долговой тюрьме, и с трудом вслед затем добился коронования в Риме.

Фридрих III в Италии. Что сказать в конце концов о Фридрихе III? Его посещения носили характер праздничных прогулок или путешествий для поправки здоровья за счет тех, кто нуждался в его грамотах и утверждении власти его подписью или же за счет тех, кому казалось лестным принимать императора с должной пышностью. Так было, например, в Неаполе, где посещение города Фридрихом III стоило Альфонсу 150 000 гульденов золотом. При вторичном посещении Италии, в 1469 году, на обратном пути Фридрих провел в Ферраре целый день, не выходя из комнаты, занятый тем только, что подписывал различные патенты, которых роздал восемьдесят штук; кроме таких назначений и титулов, как *cavalieri*, *dottori*, *conti*, *notare*, давались еще особые права, например: *conti palatino*, *conti* с правом, в свою очередь, выдать патенты пяти *dottori* или *conti*, с правом усыновления побочных детей, назначения нотариусов или признания нечестных нотариусов честными и т. д. Его канцлер, однако, потребовал за эти патенты таких денег, что феррарские граждане в конце концов смутились. Борзо, владелец Феррары, приобрел для себя титул герцога Модены и Реджио и обязался платить за это ежегодно 4000 гульденов золотом, но что он должен был думать, видя, как щедро раздает патенты его царственный покровитель и как весь его маленький двор обзаводится титулами, — этого мы не знаем.

Мнения влиятельных в то время гуманистов разделились. Тогда как одни, в качестве придворных поэтов, с сомнительным энтузиазмом приветствуют римского императора, Поджио, подобно большинству коллег, до глубины души враг монархии, подымает вопрос: что должно в сущности означать коронование в Риме, так как в древности увенчивали лишь победоносных вождей и притом лаврами? Он же, а вслед

за ним и другие позднейшие историки энергично протестуют против присвоения титула римских императоров немецким государям, и Л. Джустиниани в горячем полемическом послании в споре с Бебелем называет это коронование проклятым, варварским обычаем.

Внешняя политика. Со времени Максимилиана I, в царствование которого главным образом происходил этот спор в литературе, императорская политика относительно Италии принимает новое направление в связи с вмешательством других наций. Начало этой политики сказалось в пожаловании Людовику Мавру¹ миланской области вместе с устранением его несчастного племянника, и это начало не могло вести в дальнейшем ни к чему хорошему. По новой теории вмешательства, если две стороны спорят за земли, может прийти третий и взять часть на свою долю. Но при этом лишнее было говорить о праве. Когда в Генуе, во время приготовлений к приему Людовика XII, в 1502 году, сняли с одного из фронтонов, украшавших дворец, огромного имперского орла и заменили его лилиями, историк Сенарега спрашивал всех окружающих: что, собственно, символизирует этот пощаженный столь многими революциями орел и какого рода притязания может иметь империя на Геную? Никто не мог ответить на это ничем, кроме старого изречения, называвшего Геную *самега импегии*. Вообще никто в Италии не знал, как следует отнестись к подобным вопросам. Только присоединив к империи Испанию и пользуясь испанскими войсками, Карл V мог отстаивать свои притязания в Италии. В результате, однако, все, что ему удалось сделать, повело, как известно, к усилению Испании, а не империи.

Незаконное престолонаследие. С беззаконностью династий в XV веке в Италии тесно связано равнодушие вообще к законности рождения. Это явление кажется до того странным другим народам, что Комин, например, говорит на страницах своей истории, что в Италии не признают вовсе различия между законными и незаконными детьми.

В самом деле, на севере, в Бургундском доме, например, бастарды занимают только определенные отведенные им места и епископства или получают только известное содержание; также и в Португалии побочная линия только с большим трудом могла утвердиться на престоле, в Италии, между тем, в то время не было ни одного владетельного дома, в котором не было бы одного или нескольких внебрачных потомков по прямой линии, и никто этим не возмущался. В Неаполе арагонская линия была вся незаконного происхождения. Великий Федерико, герцог Урбинский, по всей вероятности, не был вовсе Монтефельтро по праву. Когда Пий II отправлялся на конгресс в Мантуе, его встретили при въезде в Феррару шесть бастардов из дома Эсте, в том числе сам правивший в то время герцог Борзо и двое незаконных сыновей, в свою очередь, незаконно явившегося на свет его брата и предше-

¹ Людовик Сфорца, прозванный Мавром — Мого; в нашей литературе его часто называют Людовик Моро. — *Прим. авт.*

ственника, Леонелло. Последний был законным образом женат на внебрачной дочери Альфонса I Неаполитанского, прижитой им от одной африканки.

Бастарды часто занимали первое место в государстве в минуту опасности, если законные дети еще не были совершеннолетними: тогда образовывалось нечто в роде регентства (синьорат) без всякого внимания к законности рождения. В общем, в Италии в это время личность и талант, а также целесообразность и рассчитанность действий играют большую роль, чем закон и обычай на всем остальном Западе. Недаром это было время, когда сыновья пап основывали королевства.

В XVI веке под влиянием иностранцев и враждебного Реформации течения начинают строже относиться к этому явлению. Так, Варки говорит, что наследственное право законных сыновей «предписывается здравым смыслом и волею неба с предвечных времен». Кардинал Ипполито Медичи основывал свое преимущественное право на власть во Флоренции на том, что он «быть может» законного происхождения и во всяком случае сын благородной матери, а не простой служанки, как герцог Александр. В это время возникают и морганические браки по любви, тогда как в XV веке такие браки едва ли имели бы какой-нибудь смысл в нравственном или политическом отношении.

Кондотьеры-узурпаторы. Крайнюю степень произвола и узурпации власти в XV веке представляют кондотьеры — явление, на котором не раз и с особым интересом останавливались историки. Они приобретают владения и становятся самостоятельными синьорами и деспотами или государями, вполне независимо от своего происхождения. В сущности такого же рода явление представляло уже занятие Нижней Италии норманнами в XI веке, но в XV веке хищнические замыслы держат весь полуостров в состоянии вечного беспокойства и ожидания исключительных событий.

Кондотьеры и наемники. Кондотьер мог стать, однако, владельцем синьором и не прибегая к узурпации, когда государь, на службе у которого он находился, жаловал его, за недостатком денег, какими-нибудь землями; иногда это оказывалось даже необходимым, так как кондотьер, хотя и мог отпустить своих солдат на некоторое время, все-таки нуждался в зимней квартире, где мог бы спокойно делать заготовки и хранить все нужное на случай войны. Первый пример такого пожалования владениями мы видим в лице Джона Гаукуда, которому папа подарил Боньякавалло и Котиниоллу.

С появлением на сцене вместе с Альбериго да Барбиано итальянских войск и предводителей кондотьерам представляется уже гораздо больше случаев приобрести новые владения или увеличить наследование. Впервые такого рода вакханалия хищничества разыгралась в Миланском герцогстве в 1402 году, когда умер Джан Галеаццо. Царствование обоих его сыновей проходило в борьбе с этими воинственными хищниками, причем главнейший из кондотьеров, Фачино Кане, а затем его вдова с целым рядом городов и 400 000 гульденов золотом

вошли в состав герцогской династии; Беатриче ди Тенда привлекла на свою сторону также и воинов покойного мужа. С этого времени возникают характерные для XV века невообразимо безнравственные отношения между правителями и находящимися у них на службе кондотьерами. Это положение вещей ярко обрисовывается в следующем анекдотическом рассказе, применимом, впрочем, не только в одном этом случае: граждане одного города — гласит древний рассказ, причем разумелась Сиена — не знали, чем и как отблагодарить вождя, который освободил город от иноземного гнета. Они долго обсуждали этот вопрос и не могли ни к чему придти. Так как, по общему мнению, не было награды, достойной оказанной услуги, и даже признание его синьором города казалось им недостаточным. Наконец один из граждан предложил лишить его жизни и затем молиться ему как святому, покровителю города. Итак, с ним было решено поступить, как римский сенат поступил с Ромулом.

Некоторые теоретики, вроде, например, Макиавелли, рассматривая события того времени, приходят к заключению, что кондотьер должен был тотчас после одержанных им побед передавать главенство над войском своему повелителю и ожидать, пока тот вздумает его наградить, или же расположить к себе солдат, занять крепости и наказать государя *di quella ingratitude, che esso gli userebbe* — за выказанную им неблагодарность.

В действительности кондотьеры более всего имели оснований опасаться именно тех, кому служили в качестве наемников. Если они действовали успешно, то становились опасны и от них тотчас старались избавиться, как это было с Роберто Малатеста, умерщвленным немедленно после победы, одержанной им для Сикста IV в 1482 году; в случае же неудачи они часто первые платили за нее, как это было с Карманьолой, казненным венецианцами в 1432 году. Венецианцы любили к тому же, чтобы кондотьеры помещали у них свои капиталы; они обеспечивали за собой наследственные на них права, а затем при первой возможности еще конфисковали что могли; они отравляли своих предводителей и затем оправдывали это наказанием за предполагаемую измену.

Нравственное состояние эпохи было вообще таково, что кондотьеры часто вынуждены были отдавать в залог жену и детей, но и даже тогда не пользовались доверием, и сами тоже не были уверены ни в чем. Они должны были быть самоотверженными героями, характерами, в роде Велизария, чтобы не питать глубочайшую ненависть к неблагодарным, слишком много нужно было кондотьерам добрых чувств, чтобы не стать решительными мятежниками и не мстить в свою очередь. И мы видим их действительно мятежниками, презирающими все святое, жестокими к людям, всегда готовыми к измене и не опасаящимися умереть отлученными от церкви, с папским проклятием.

Но в то же время они нередко представляли собой сильную индивидуальность, наделенную выдающимися чертами характера, чем вызы-

вали удивление и поклонение солдат. В первый раз в истории мы видим здесь войско, в котором определяющую роль играет личность вождя, а не только цели войны и прочие соображения.

Дом Сфорца. В этом отношении в особенности поразительный пример представляет собой жизнь Франческо Сфорца: никакие сословные предрассудки и взгляды на рождение не могли повредить его безграничной популярности в глазах всех и каждого, и он смело мог этим пользоваться в трудную минуту. Случалось, что при виде его враги бросали оружие и с непокрытой головой встречали его приветствиями, так как все привыкли считать его «отцом солдат».

Дом Сфорца вызывает огромный интерес в том отношении, что здесь как бы заранее можно предсказать возвышение власти до крайних пределов. В основе этого лежало прежде всего большая плодовитость.

Джакопо и Франческо. В свое время уже прославившийся Джакопо, отец Франческо, имел двадцать братьев и сестер, и все они получили суровое воспитание в Котиньоле, близ Фаэнцы, под влиянием обычной вендетты, вследствие бесконечной распри между домами Сфорца и Пазолини. Их жилище представляло собой настоящий арсенал с караульной; мать и дочери были так же воинственны, как и сыновья. Джакопо на тринадцатом году жизни бежал оттуда прежде всего в Паникале, к папскому кондотьеру Больдрино; это был тот вождь, который, как говорили, оставался предводителем в битве даже после смерти, так как приказания шли из палатки, где лежал его уже набальзамированный труп до тех пор, пока нашелся достойный преемник. Вслед затем Джакопо служил то здесь, то там, пока не возвысился и не призвал к себе всех родных. Он воспользовался этим многочисленным родством как одним из лучших средств для упрочения династии. Его родственники держали в руках армию в то время, когда он находился взаперти в Неаполе. Далее его сестра собственноручно взяла в плен королевских посланцев и этим залогом спасла его от смерти.

Аккуратность Джакопо в денежных делах сама по себе уже указывает на его дальновидность и во многом гарантирует успех. В самом деле, даже после поражений он пользуется кредитом банкиров. Далее с той же рассчитанностью он защищает крестьян от мародерства и стоит против разрушения взятых войском городов. Наконец, в жертву честолюбию он приносит свое личное чувство и выдает замуж любимую женщину Лучию (мать Франческо Сфорца) для того, чтобы самому вступить потом в брак, отвечающий его политическим соображениям. И браки других членов его семьи также должны были подчиняться тем же соображениям и заключаться в интересах династии. Он вел жизнь не похожую на беспутство других властителей и, отпуская своего Франческо в свет, велит ему держаться трех правил. «Не ищи, — говорит он ему, — благосклонности чужой жены, не бей своих слуг, а если тебе случится одного из них ударить, то удали его от себя, не садись на тугоузкого или теряющего легко подковы коня». Внешне он представлял собой если не тип великого полководца, то, во всяком случае, прекрасного воина,

сильного сложения, искусного во всякого рода физических упражнениях; он походил лицом на крестьянина, что само по себе увеличивало его популярность в народе, и обладал удивительной памятью: он знал и помнил многие годы всех своих солдат с их лошадьми и получаемым содержанием. Он не знал никакого языка, кроме итальянского, но все свободное время посвящал изучению истории, приказывал переводить для себя греческих и латинских авторов.

Его сын Франческо, прославившийся еще более отца, с первых же шагов на политическом поприще стремился создать большое государство и овладел миланской территорией с помощью войск и предательства (1447—1450 гг.).

Его пример вызвал подражания. Энеа Сильвио говорит: «У нас в Италии сильно развита страсть к переменам и не существует никакой власти, освященной временем, а потому у нас каждый холоп может стать королем».

Пиччининно. Но один человек в особенности привлекал к себе общее внимание всего полуострова; это был Джакопо Пиччининно, «сын счастья», как он сам себя называл. Всех занимал жгучий вопрос: преуспее ли он в своем властолюбивом стремлении? Все более сильные властители, конечно, не прочь были помешать ему в достижении цели, и Франческо Сфорца также думал, что будет лучше, если его пример не повторится и он сам останется последним из кондотьеров, завладевших верховной властью. Но войска и предводители, которым поручено было действовать против Пиччининно, руководствовались другими мотивами. «Если мы покончим с ним, нам придется взяться за соху», — говорили они, а потому, продержав его долгое время запертым в Орбетелло, они тайно снабжали его провиантом и дали ему возможность блестящим образом выпутаться из петли. Однако в конце концов он не ушел от своей роковой судьбы. Во всей Италии заключались пари об ожидающей его участи, когда он в 1465 году, побывав у Франческо Сфорца в Милане, отправился к королю Ферранте в Неаполь.

Гибель Пиччининно. Здесь, несмотря на все ручательства и охранные грамоты, король, по уговору с Франческо, приказал умертвить его в крепости Каstellьнуово.

Но и кондотьеры, уже наследно владевшие землями, не чувствовали себя в безопасности. Когда Роберто Малатеста и Федерико Урбинский умерли в один день, первый — в Риме, а второй — в Болонье, то оказалось, что каждый из них, умирая, поручал другому заботу о своих владениях. Все считалось позволительным по отношению к людям, в свое время приобретающим все самыми непозволительными средствами. Франческо Сфорца еще в ранней молодости женился на богатой калабрийской наследнице Поликсене Руффо, графине Монтальто, и от нее имел дочь; его тетка отравила и мать и дочь и таким способом перехватила наследство. Таков был порядок вещей.

Последние попытки кондотьеров. Со времени гибели Пиччинино захват власти кондотьерами вызывает общее негодование и становится

нетерпимым явлением. Четыре главнейших государства: Неаполь, Милан, Церковная область и Венеция образуют нечто вроде системы равновесия с целью воспрепятствовать всяким новым поползновениям. В Церковной области, где было множество маленьких тиранов — прежних кондотьеров, отчасти не совсем еще оставивших эту роль, — со времени папы Сикста IV одни nepoты сохраняют за собой право на хищнические предприятия. Но при малейшем замешательстве в политических делах кондотьеры снова появлялись. Так, в период жалкого правительства Иннокентия VIII некий Бокколино — наемник бургундского происхождения, завладевший в Папской области Озимо и Иези, — едва не перешел к туркам вместе с этими городами и только благодаря посредничеству Лоренцо Великолепного согласился на отступное и удалился. В 1495 году, во время общего замешательства, вызванного войной Карла VIII, кондотьер Видоверо из Брешии сделал попытку возвыситься; он уже взял было однажды город Чезену ценой смерти многих людей, но крепость не сдалась, и он должен был уйти. Теперь, поддерживаемый войском, которое уступил ему другой такой же разбойник, венецианский кондотьер Пандольфо Малатеста, владелец Римини, сын упомянутого Роберто, он отнял у Равенского архиепископа город Кастельнуово. Венецианцы, занятые в это время более серьезными делами и сами теснимые папой, приказали Пандольфо при случае все-таки арестовать «неприятеля», что он «с грустью» исполнил, а затем пришел приказ повесить того же приятеля. Из предосторожности Пандольфо велел его задушить в темнице и потом уже показать народу.

Наконец, последний значительный пример такой узурпации мы видим в лице знаменитого владельца замка Муссо, который во время миланских смут, после битвы при Павии в 1525 году, разыграл роль монарха на Комском озере, но затем заплатил за свою смелую попытку многолетним заключением в миланской крепости в 1538 году.

Глава IV. Малые тираны XV века

Своеволие мелких тиранов. В общем о тираниях XV века можно сказать, что тяжелые последствия такого порядка вещей давали себя знать тем сильнее, чем меньше была территория. Так должно было быть уже потому, что в каждом владении происходили вечные ссоры за наследство между многочисленными членами владетельной семьи, желавшими жить все и каждый соответственно своему происхождению и рангу. Бернарде Барано, владелец Камерино, умертвил двух своих братьев, чтобы их наследство могло перейти к его детям. С другой стороны, мы встречаем время от времени разумное управление, не сопряженное с произволом и кровопролитием, но только там, где власть была в руках могущественного государя или где тиран находился в зависимости от такого сильнейшего государя. Пример такого разумного деспота представляет Александр Сфорца, владелец Пизаро,

брат знаменитого Франческо и тесть Федерико Урбинского (1473). После многих лет, проведенных в войне, он жил спокойно в своих владениях, заслужив репутацию справедливого и доступного правителя, собрал превосходную библиотеку и посвящал свободное время серьезной беседе. К числу таких правителей принадлежит также Джованни II Бентивольо, владевший Болоньей (1462—1508), так как политический характер его действий обуславливался зависимостью от домов Сфорца и Эсте. И, напротив, мы видим ряд кровавых событий в семейной истории домов Барани (Камерино), Малатеста (Римини), Манфреды (Фаэнца) и в особенности у Бальони, в Перудже.

Бальони. О том, что происходило в последней упомянутой семье, мы лучше всего знаем благодаря хроникам Грациани и Матараццо, рисующим события в ярких картинах.

О членах семейства Бальони говорили, что они родились с мечами у пояса; им не удалось стать полноправными властителями, и их господство в городе было несомненным благодаря огромным богатствам и влиянию на замещение должностей. Среди членов семьи обычно кто-либо один признавался главой и руководителем, но в действительности же между отпрысками царила взаимная скрытая и глубокая ненависть. Эта семья имела в городской среде противников, составлявших одну партию, возглавляемую членами дома Одди. Между этими сторонами около 1487 года вспыхнула настоящая война, и жилища знатнейших граждан наводнили вооруженные люди и наемники (брави), готовые ежеминутно к нападению и убийству. Не проходило дня без столкновения и насилий; так, при погребении убитого немецкого студента две коллегии вступили в вооруженную стычку; случалось, что брави различных домов среди дня сражались между собой на улице. Напрасны были все жалобы купцов и ремесленников, папские губернаторы и непоты молчали, закрывая на все глаза.

Изгнание Одди. В конце концов Одди вынуждены были оставить Перуджу, и город с этого времени превратился в осажденную крепость, находящуюся во власти Бальони. Нападения и заговоры вызвали беспощадную месть. В 1491 году было повешено перед ратушей сто тридцать проникших в город противников, а затем на площади воздвигнуто тридцать пять алтарей и в течение трех дней там служили обедни и совершали процессии с молитвами о снятии проклятия с города. Один из nepотов папы Иннокентия VIII был убит среди белого дня на улице. Непот Александра VI, присланный им для умиротворения граждан, встречен был публичным осмеянием. Двое руководителей правящего дома Гвидо и Ридольфо часто совещались с творившей чудеса монахиней ордена доминиканцев, сестрой Коломбой Риатта, но все ее советы установить мир, под угрозой больших бедствий, разумеется, ни к чему не вели. Летописец указывает, однако, по этому поводу на благочестие лучших граждан Перуджи этих лет невообразимых ужасов.

Во время похода Карла VIII Бальони вели до того ожесточенную борьбу с изгнанниками, занимавшими Ассизи и его окрестности, что

все жилища в долине были сравнены с землей, поля лежали необработанные, крестьяне становились разбойниками и грабителями, а волки свободно бродили всюду, пожирая «христианское мясо»...

Когда Александр VI скрывался в 1495 году в Умбрии от возвращавшегося из Неаполя Карла VIII, он вздумал, посетив Перуджу, сразу и навсегда избавиться от беспокойных Бальони. С этой целью он предложил Гвидо устроить турнир или другое праздничное состязание, думая таким образом захватить их всех врасплох в одном месте, но Гвидо ответил, что «прекраснейшее зрелище, какое он может устроить, это собрать всех граждан Перуджи, носящих оружие». Выслушав этот ответ, папа отказался от задуманного плана.

Вскоре затем изгнанники снова напали на город, и Бальони победил только благодаря личному мужеству. Восемнадцатилетний Симонетто Бальони с немногими друзьями, сражаясь на площади против нескольких сот врагов, пал, пораженный двадцатью ударами, но снова поднялся, когда на помощь прискакал Асторре Бальони. В золоченых доспехах, на огромном коне, с орлом на шлеме, Асторре, по словам современника, «ринулся в битву, подобно Марсу».

Двенадцатилетний Рафаэль находился в то время в учении у Пьетро Перуджино, и очень может быть, что впечатления этих дней послужили источником вдохновения для его ранних произведений: Св. Георгия и Св. Михаила. Кое-что из пережитого им, по всей вероятности, увековечено в Св. Михаиле, и если народ представлял себе героя в лице Асторре Бальони, то, конечно, в том виде, как изображен Гелиодор в небесном всаднике.

После этой битвы часть противников была уничтожена, часть бежала в паническом страхе и уже не в силах была далее бороться и мстить. Некоторое время спустя многие из них были прощены и получили позволение вернуться. Но в Перудже не стало спокойнее. В самой семье Бальони возникли раздоры, сопровождавшиеся ужасными событиями. Против Гвидо, Ридольфо и их сыновей Джанпаоло, Симонетто, Асторре, Джисмондо, Гентиле, Маркантонио и других возмутились двое их племянников Грифоне и Карло Барчилия, — последний был в то же время племянником Барано, владельца Камерино, и шурином одного из прежних изгнанников, Джироламо делла Пенна. Напрасно Симонетто, догадывавшийся о тайном заговоре, на коленях просил дядю позволить ему убить Пенну — Гвидо отказал ему в этом. В середине лета 1500 года внезапно вспыхнул заговор во время венчания Асторре Бальони с Лавинией Колонна.

Кровавое венчание в Перудже. Празднества начались и продолжались несколько дней, несмотря на ряд тревожных предзнаменований, превосходно описанных Матараццо в его хронике. Находившийся здесь же Барано искусно воспользовался обстоятельствами; заговорщики с дьявольской хитростью предложили Грифоне захватить единоличную власть и уверили его в том, что между его женой Зеновией и Джанпаоло существует преступная связь. Наконец все приготовления

были закончены, и каждый из заговорщиков наметил себе жертву, причем было принято в соображение, что дома членов семьи Бальони располагались недалеко друг от друга (почти все они находились там, где теперь крепость). Каждый получил в свое распоряжение по пятнадцать брави, остальные люди составили стражу. В ночь на 15 июля заговорщики ворвались в дома и убили Гвидо, Асторре, Симонетто и Джисмондо. Остальные успели бежать.

Те, кто видел лежавшие на улице трупы Асторре и Симонетто, «в особенности иностранные студенты», сравнивали первого с древним римлянином — так много было в нем достоинства и величия; на лице Симонетто сохранилось такое выражение, будто и сама смерть не могла его укротить. Победители посетили друзей убитых, думая прийти с ними к соглашению, но нашли всех в слезах и в сборах к отъезду в свои поместья.

Между тем спасшиеся бегством из города члены семьи Бальони собрали приверженцев в ближайших окрестностях и с Джанпаоло во главе на следующий день вторглись в город, где к ним тотчас присоединились друзья, которым Барчилия в это время уже угрожал смертью. Грифоне попался в их руки возле церкви С. Эрколане, и Джанпаоло предоставил своим людям возможность разделаться с ним; Барчилия и Пенна бежали в Камерино к главному виновнику всех бедствий, Барано, а Джанпаоло немедленно и без всяких потерь стал хозяином в городе.

Еще молодая, прекрасная собой мать Грифоне, накануне только бежавшая из города в свой замок вместе с его женой Зеновией и двумя детьми Джанпаоло и с проклятием отвергнувшая сына, вернулась теперь вместе с невесткой и стала искать его труп. Граждане расступались перед обеими женщинами. Никто не хотел дать ей заподозрить в нем убийцу сына и навлечь на себя ее проклятие. Но все ошибались в ней; она сама убедила умирающего Грифоне простить всем, наносившим ему смертельные удары, и он умер, прощенный ею. С глубоким почтением граждане провожали взорами обеих женщин, когда они проходили через площадь в окровавленных платьях. Впоследствии эта мать внушила Рафаэлю мысль написать его знаменитое «Погребение Христа», и таким образом ее горе легло на алтарь чистейшего материнского горя.

Собор, у стен которого разыгралась трагедия, был омыт вином и вновь освящен, но в то же время не успели еще убрать воздвигнутую к свадьбе триумфальную арку, на которой были изображены подвиги Асторре и хвалебные стихи Матараццо, оставившего нам картинное изображение всех этих событий.

Все эти ужасы нашли отражение также в почти легендарных рассказах о семье Бальони. Говорили, что ни один из членов этой семьи не умирал естественной смертью и что двадцать семь из них однажды умерли в одно время насильственной смертью, дома их были стерты с лица земли, а кирпичами развалин вымощены улицы. Впоследствии при Павле III дома их действительно были преданы разрушению.

В данный момент, однако, они, по-видимому, взялись за ум, водворили порядок среди своих приверженцев и стали защитниками должностных лиц против своеволия знатных. Но они недолго наслаждались покоем. В 1506 году Юлий II без большого труда завоевал Перуджу, и Джанпаоло вынужден был принести ему присягу на верность. По мнению Макиавелли, он мог умертвить папу и этим обеспечить себе бесмертие, но не сделал этого.

Проклятие над домом Бальони. Но проклятие продолжало тяготеть над этим домом и сказалось снова, как подавленное, но непотушенное пламя пожара. В 1520 году папа Лев X заманил Джанпаоло в Рим, где и обезглавил его. Один из его сыновей, Орацио, владевший короткое время Перуджей только благодаря смутам, как союзник тоже притесняемого папой Урбинского герцога, успел еще раз повторить все ужасы своих предшественников. После того, как он умертвил дядю и троих двоюродных братьев, герцог посоветовал ему остановиться. Его брат Малатеста Бальони, флорентийский вождь, обесмертил себя изменой в 1530 году, а сын, Ридольф, последний в роде, ознаменовал в 1534 году свое краткое, но злодейское господство в Перудже убийством легата и должностных лиц.

Римини. Мы еще встретимся с тиранами Римини, оставившими после себя громкую память. Без сомнения, редко в одном лице соединялись так тесно презрение ко всяким законам, божеским и человеческим, талант полководца и высокое образование, как мы видим это, например, у Сигизмондо Малатеста (1467). Но когда всякого рода злодейства скапливаются так, как это было в роде Малатеста, они берут перевес над каким угодно талантом и влекут самих тиранов к гибели. Вышеупомянутый Пандольфо, внук Сигизмондо, еще держался, но только потому, что Венеция не хотела допустить падения своего кондотьера; однако, после того как он стал угрожать отцу и сжег монастырь, в котором заключена была его невеста, возмущенные его жестокостью подданные осадили его в крепости в Римини; он успел бежать и вслед затем, запятнанный братоубийством и всевозможными ужасами, вернулся в Римини под защитой Венеции, в сопровождении ее представителя. Тридцать лет спустя Малатеста стали нищими изгнанниками.

Время около 1527 года было гибельным для большей части этих мелких династий, но и немногие пережившие эту эпоху не имели оснований этому особенно радоваться. В Мирондоли правителями были маленькие государи из дома Пико; в 1470 году здесь произошла семейная катастрофа: Галеотто засадил своего брата, Антонио, в тюрьму. Но это была только прелюдия. В 1533 году здесь жил бедный ученый Лилио Грегорио Джиральдус, бежавший из разоренного Рима и нашедший здесь гостеприимный приют у старого Джовано Франческо Пико — племянника знаменитого Джованни. Этот государь хотел приготовить для себя надгробный памятник и беседовал о своем плане с Джиральдусом. Рассуждение, написанное последним на эту тему, и посвящение государю помечены апрелем того же года. Но затем печальная припи-